

Анна И. Мантарова¹

Болгарская Академия наук,
Институт философии и социологии
София (България)

УСТОЙЧИВОСТЬ И ДИНАМИКА ДЕТЕРМИНАНТ ПРЕСТУПНОСТИ В БОЛГАРИИ

В современном мире социальная среда очень динамична, полна ситуациями неопределенности и появления непредвиденных изменений. Любое серьезное изменение в ней затрагивает элементы и процессы, которые прямо или косвенно влияют на преступность, изменяется конкретное состояние и силу действия ее универсальных детерминант.

В докладе прослеживается и анализируется динамика и действие технологических (связанных с использованием цифровых технологий и Интернета), экономических (бедность, безработица), институционально-нормативных (нормативно-организационные изменения) и культурных (состояние и динамика систем ценностей) процессов и явлений и их влияние на состояние и структура преступности. Особое внимание уделено специфике ситуации, сложившейся в условиях эпидемии КОВИД и их влияние на преступность.

Использовались статистические данные и данные эмпирических социологических исследований.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: преступность, бедность, безработица, имущественная дифференциация, правоохранительные учреждения, ценности.

Состояние преступности имеет огромное значение для любого общества, его нормального функционирования и целостности. Именно поэтому такая проблема как преступность весьма важна не только с теоретической точки зрения, но и в

¹ anna.mantarova@abv.bg

социальной практике – для оказания эффективного противодействия необходима адекватная информация об ее реальном состоянии, существующих взаимосвязях и зависимостях с различными социальными явлениями и процессами в их динамике. В современном меняющемся социальном контексте характеристики и сила действия отдельных детерминант преступности постоянно трансформируются, как и их конфигурация, – этим обусловлена необходимость их постоянного исследования и анализа.

ПРЕСТУПНОСТЬ В БОЛГАРИИ

До конца 80-х годов XX века Болгария была одной из европейских стран с самым низким уровнем преступности, но с началом эпохи перемен, после 1989 года, все резко изменилось – количество преступлений возросло в несколько раз, увеличилась доля тяжких преступлений, появилась и бурно расцвела организованная преступность.

Сейчас уже можно сказать, что после пиковых уровней начала и конца 90-х годов, за исключением отдельных небольших периодов, в целом наблюдается тенденция к снижению преступности. Этот процесс следует рассматривать и в свете изменений демографической структуры населения. Так, например, за период 2010-2021 годов чувствительно сократилось число лиц в возрастных группах с наиболее высокой криминальной активностью (20-39 лет) – с 2156606 до 1586931 человек. Среди мужчин показатели составляют соответственно 1103701 чел. – в 2010 г. и 816821 чел. – в 2021 г., или сокращение составило 286880 человек.

ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРЕСТУПНОСТИ

Индивидуальное поведение, в том числе и юридически релевантное, всегда прямо или косвенно обусловлено социальной макросредой. Микросреда и индивидуальные характеристики личности (социальные и психологические) модифицируют влияние макросреды, но элиминировать его нельзя. Вот почему объяснение состояния преступности требует рассмотрения в широком социальном контексте.

Используя концепцию Н. Генова (Genov, 2021, p. 32.) о детерминантах социальных взаимодействий, можно объединить факторы, оказывающие влияние на преступность, можно указать четыре группы: технологические, экономические, институционально-нормативные и культурные.

Что касается технологических факторов, то в первую очередь, следует отметить массовое проникновение компьютеров и цифровизацию во все области жизни. Ускоренный рост использования Интернета для покупок и финансовых транзакций, очевидно, будет продолжаться, что будет определять повышение значимости

технологических факторов в будущем. Помимо этого, предстоит включение в активную жизнь все большего числа представителей так называемого «поколения Z», т. е. тех, кто «рожден после 2000 года, так называемые «цифровые дети». У представителей поколения Z использование цифровых технологий врожденное, так как они не были свидетелями изменений, наступивших с появлением Интернета и цифровых инноваций – они просто родились в этой среде...» (Рангелова, 2001, с. 14). Все это расширяет поле для реализации киберпреступлений.

Среди экономических детерминант особо выделяются бедность и безработица. Безработица влияет на преступность различными способами. Кроме криминогенных последствий воздействия плохого материального положения, она накладывает и свой отпечаток на психику, вследствие изменившегося социального статуса и образа жизни, которые вступают в противоречие с самооценкой и воспринимаются трагически индивидом; влияет на систему ценностей и правовое сознание; деструктивно воздействует на профессиональную квалификацию, становясь барьером для дальнейшей успешной реализации на рынке труда; негативно сказывается на исполнении иных социальных ролей личности. Прямое и косвенное влияние бедности и безработицы на уровень преступности, как конвенциональной, так и организованной, проверено временем.

В группу институционально-нормативных детерминант входят: состояние нормативной базы и ее соответствие объективной ситуации и потребностям общества с учетом тенденций текущих процессов, состояние соответствующих организационных структур, уровень их функционирования и взаимодействия, кадровые изменения в них, политическая стабильность и нестабильность, политически мотивированное воздействие на специализированные правоохранительные и правоприменительные органы.

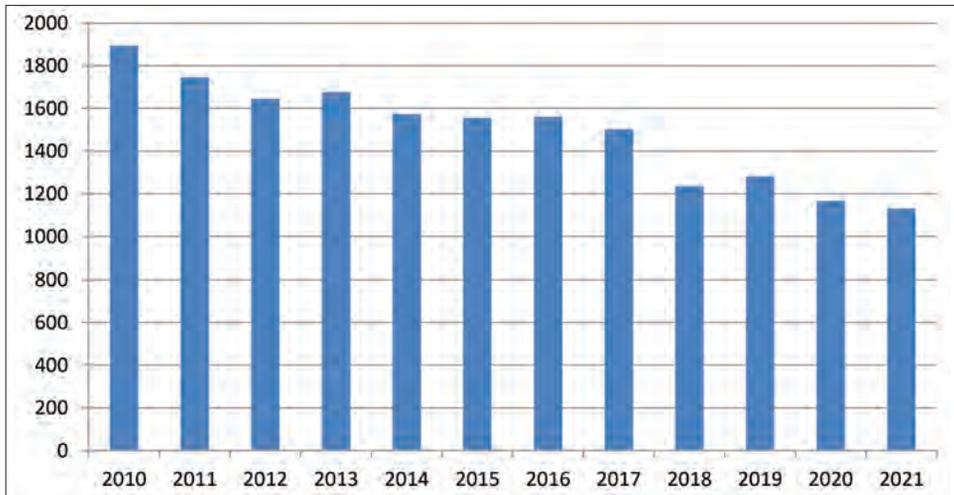
Среди культурных детерминант, помимо правового сознания, рассматриваемого как комплекс информированности, отношения к закону и склонности его соблюдать, следует отнести и систему и иерархию ценностей в их совокупности, т.е. их характеристики в содержательном аспекте, а также соотношение между конечными целями/ценностями и инструментальными ценностями. Участвуя в мотивационном процессе личности, они оказывают существенное влияние на направленность поведения индивида, в том числе и на юридические релевантные действия.

ДИНАМИКА ПРЕСТУПНОСТИ В МЕНЯЮЩЕМСЯ СОЦИАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

Хотя изменения методологии регистрации преступлений не позволяют провести корректные сопоставления, определенно можно сказать, что, начиная с 1990 года, было несколько кризисных периодов резкого роста преступности.

Самый большой скачок зафиксирован в первые три года перемен – с 1990 по 1992, второй – в 1997, когда было зарегистрировано наибольшее число преступлений за все время болгарской криминальной статистики – более 241 тыс. преступлений, и третий – с 2009 по 2010. Во всех трех периодах ухудшение криминологической ситуации совпало с тяжелыми экономическими и/или политическими кризисами. При этом более краткие и менее выраженные скачки наблюдались и во времена политического кризиса конца 2013 – начала 2014 года; при отмене ограничений в связи с распространением COVID-19 в июне 2020 г.; в период политической нестабильности в октябре-ноябре 2021 г. И наоборот, заметное снижение наблюдалось в период действия строгих ограничений из-за COVID-19 в марте-мае 2020 г. и ноябре 2020 г.

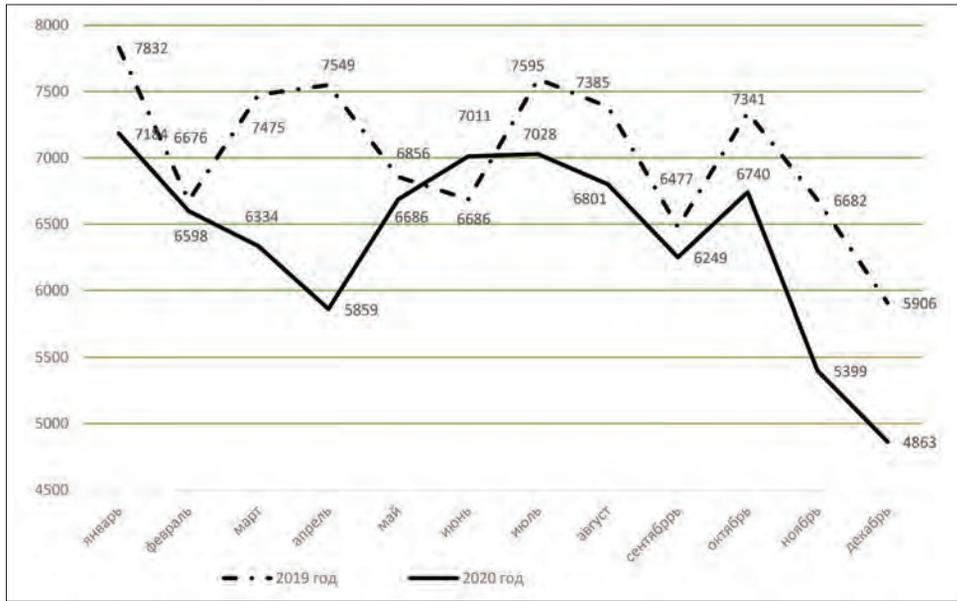
Рис. 1. Уровень зарегистрированных преступлений на 100 000 человек

Проведенные Центром изучения демократии 14 национальных исследований в 2002-2019 годах, наглядно показывают, что в целом официальная статистика МВД Болгарии, за исключением некоторых периодов, объективно фиксирует тенденции, наблюдаемые при конвенциональной преступности. Но не во всем. Например, ухудшение криминогенной обстановки и рост конвенциональной преступности, сопровождавшие экономический кризис 2009 года, по данным статистики полиции продолжались до 2010 года, а по результатам эмпирических исследований – до 2012. При этом, параллельно с продолжающимся спадом зарегистрированных преступлений налицо рекордно высокий уровень латентной преступности – в 2019 году доля преступлений, о которых граждане не сообщили в полицию, составила более 60%.

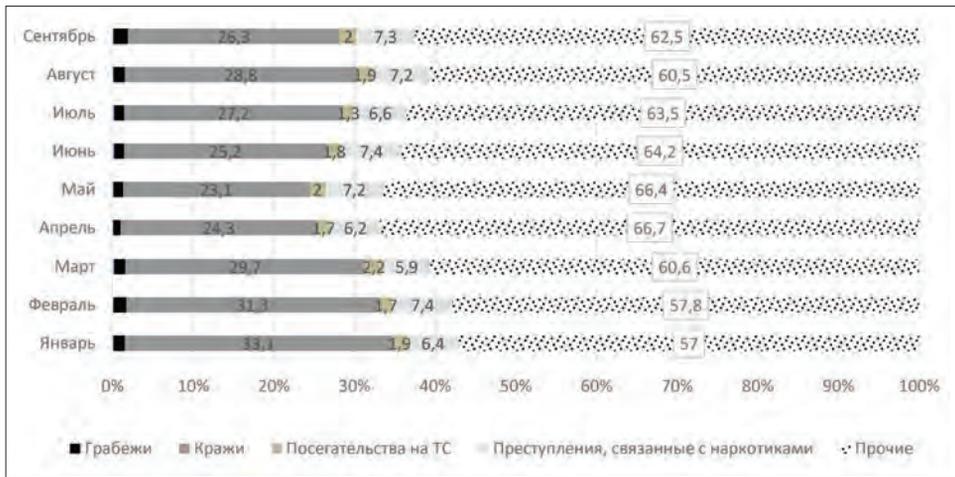
Интересна сама по себе ежемесячная статистика преступности в период пандемии COVID-1.

Рис. 2. Количество зарегистрированных преступлений

Для того, чтобы увидеть, аналогичны ли месячные флуктуации в год действия рестрикций ранее ежегодно наблюдаемым, было проведено сравнение данных с 2019 «доковидным» годом. Разница бросается в глаза, особенно в период март-июнь. Сразу же после введения чрезвычайного положения 13 марта 2020 года зарегистрированная преступность резко снизилась, особенно ощутимый спад был в апреле – месяце самых жестких ограничительных мер. Однако позднее, когда в середине мая большая часть рестрикций была снята и жизнь стала возвращаться в обычное русло, преступность осязаемо поползла вверх. Четко прослеживаются и изменения в структуре преступности. Видно, что изменения организации и контроля в общественной жизни, в трудовой деятельности и повседневной жизни людей оказывают существенное влияние на условия и возможности совершения того или иного вида преступлений. Изменение образа жизни, в свою очередь, неразрывно связано с трансформацией структуры преступности. Особенно в этом отношении показательна разница в количестве и относительной доле краж, мошенничества и компьютерных преступлений (последние два вида включены в представленной статистике МВД в категорию «прочие»). На фоне сохраняющегося минимального количества убийств и сокращения иных видов преступлений, о совершении которых есть конкретная информация, мы видим чувствительный рост категории «прочие» – с 57,0% в январе до 66,7% в апреле и практически на том же уровне в мае – 66,4%. В июне 2020 года был небольшой спад из-за большого увеличения числа таких широко распространенных преступлений, как кражи.

Рис. 3. Структура преступности в 2020 году

Следует отметить, что в категории «прочие» ощути́м значительный рост доли киберпреступности. По словам Явора Колева, руководившего отделом по борьбе с киберпреступностью в Главном управлении по борьбе с организованной преступностью, «киберпреступность в период действия чрезвычайного положения выросла примерно на 1/3 по сравнению с последними месяцами до пандемии» (<https://legalworld.bg/edna-treta-poveche-sa-kiberprestypneniata-u-nas-v-izvynrednoto-polojenie>).

Этот рост тесно связан с массовым использованием компьютеров и Интернета для удаленной работы, совершения покупок, использования услуг, совершения безналичных расчетов.

Переход на удаленную работу после введения чрезвычайной ситуации вынудил тысячи компаний реструктурировать свою деятельность, вынудив их поспешно и без необходимой переналадки дать удаленный доступ к своим внутренним корпоративным сетям. При этом стало видно, что многие компании использовали устаревшие приложения или методы и это предоставило многообразные возможности для проникновения и манипуляций, которыми с успехом воспользовались хакеры-злоумышленники. В то же время, из-за закрытия магазинов и боязни заражения резко выросла электронная (on-line) торговля, объемы безналичных интернет-расчетов, предоставление и оплата административных и иных услуг дистанционно, различные банковские операции с наличными с использованием приложений. Все это расширило поле для проявления киберпреступников и попыток компрометации соответствующих платформ. Попытки взлома и кражи информации с торговых и платежных платформ, даже безуспешные, резко увеличились.

При рассмотрении экономических детерминант преступности прослеживается связь между периодами с высокой или растущей преступностью и экономической

ситуацией в стране. Это видно как для начала 1990-х годов и 1996-1997 годов, так и для 2009 года и некоторых последующих лет. С большой долей вероятности можно утверждать, что данный фактор оказал значительное влияние на мотивацию и в период пандемии, однако надо иметь в виду, что из-за строгих ограничительных мер, в период их действия возможности совершения наиболее распространенных преступлений - краж, резко уменьшились, в связи с чем несмотря на плохую экономическую ситуацию, не был зарегистрирован рост преступности.

Пик преступности в 90-е годы совпал с крайне негативной макроэкономической ситуацией, генерировавшей драматические личностные проекции – резкое падение доходов и всеобщую бедность. Субъективные оценки граждан своего материального состояния такие как: страдаю от безденежья 17% в 1994 г., 18% в 1995 г., 22,5% в 1996 г. и 22% в конце 1997 года (Мантарова, 2001, с. 108) подтверждаются и структурой расходов. В 1997 расходы на питание составляли 54,4% доходов, а в 1998 – 47,9%. Для сравнения, в конце 1980-х их доля была около 30%.

Экономический натиск редуцирует критерии поиска источников дохода. Невозможность достижения личных целей, и особенно удовлетворить элементарные личные и семейные потребности, приводит, в достаточно больших масштабах, к использованию социально неприемлемых средств. Эмпирические социологические исследования показывают, что значительный процент граждан заявляют о готовности совершать любые действия, в т.ч. и незаконные, чтобы удовлетворить основные потребности своей семьи (Мантарова, 2001, с. 110). При сложившихся тогда всеобщих бедности и безработице, дестабилизации и неэффективном институциональном и неформальном социальном контроле вероятность восприятия противоправного и преступного поведения в качестве нормальной стратегии выживания – чрезвычайно высока.

Экономические детерминанты и в последующие годы воздействовали перманентно, хотя и более ограниченно, но экономический кризис 2009 года вновь вывел их на первый план и способствовал росту преступности. Усиление криминального влияния экономических факторов наблюдалось и в 2020 г., в условиях пандемии. В период рестрикций, предусматривающих резкую редукцию или даже «сворачивание» многих видов экономической деятельности, доходы значительной части граждан чувствительно снизились. Обнищание, вызванное потерей работы, неоплачиваемыми отпусками, сокращением рабочего времени и, как следствие, редукция заработной платы, отсутствие потребителей-покупателей товаров и услуг и т. д. затронуло чрезвычайно большое число людей. Однако сейчас это происходит на фоне резких изменений организации и условий жизни, что значительно снижает возможность совершения незаконных посягательств на имущество.

Хотя в Болгарии налицо значительное количество «работающих бедняков», основным генератором бедности остается безработица. Высокий уровень преступности в 90-х годах полностью совпал со скачком безработицы, вызванным резким сокращением промышленного производства и неудачными реформами в

сельском хозяйстве, проведенными согласно Закону «О собственности и использовании сельскохозяйственных земель», которые вместо ликвидации сдерживавших развитие бюрократических структур практически уничтожили производственные факторы. Особенно неблагоприятно повлияло на ситуацию высвобождение неквалифицированных и низкоквалифицированных работников (которых в сельском хозяйстве было очень много). Учитывая, что это, в основном слабо интегрированные в общество группы, с неустойчивыми и/или деформированными системами ценностей, то блокаж их законных возможностей на пути достижения целей (на фоне фрустрации от потери работы) ведет к существенному риску развития различного рода девиаций, включая преступную деятельность и даже профессионализацию в преступности.

К определенным выводам о роле безработицы можно прийти, и сопоставив данные о динамике преступности и уровне безработицы в разных регионах страны в 90-е годы. За период 1991-1997 при росте преступности в Болгарии на 41,9% рост выше среднего по стране был зафиксирован в областях Монтана – 70,1%, Ловеч – 68,4% и Хасково – 62,9%. По шкале безработицы, в том числе длительной, лидирующую позицию вновь заняла Монтана, а безработица в областях Хасково и Ловеч также была выше средней по стране. В то же время статистические данные по годам показывают, что для этих регионов традиционно характерен низкий уровень преступности, и единственное, что может объяснить опережающие средние по стране показатели, – это наличие компактных групп, для которых характерен значительно более высокий, чем средний, уровень безработицы, особенно длительной.

Исследования 90-х годов наглядно демонстрируют связь между занятостью и установками на соблюдение закона. «Именно среди безработных меньше всего заявивших, что законы должны соблюдаться безусловно, – доля их около 70%, тогда как среди работающих она составляет почти 78%, а среди госслужащих – более 80%. Распределение ответов о том, что порой закон можно и нарушить, – абсолютно противоположное» (Мантарова, 2001, с. 129).

Результаты исследований показали, что безработица негативно влияет на выполнение и прочих социальных ролей (например, родительских). Исследование Национального центра изучения общественного мнения 1997 года выявило, что именно дети из семей с безработными родителями чаще всего бросают школу. Школу не посещают только 5,1% детей из семей с двумя работающими взрослыми и 24,8% детей из семей с двумя безработными, а выпали из системы школьного образования соответственно 5,1% и 32,1%. И хотя наличие двоих родителей-безработных чаще характерно для цыганских семей, где образование изначально не является ценностью, вывод о том, что «депрессивный безработный более склонен пренебрегать нуждами и проблемами, как своими, так и своих детей», вряд ли можно оспорить. С точки зрения общества важен не только факт, что бросившие школу дети тяготеют к девиантному и преступному поведению, но и то, что в будущем они скорее всего окажутся в крайне невыгодном положении на

рынке труда и их ждет участь потенциально безработных. При этом трудности при трудоустройстве и обеспечении законных доходов, в свою очередь, окажут криминогенное воздействие.

Однозначно рост безработицы в 2009-2013 годах напрямую связан с ростом преступности в это время. Более того, в условиях экономического кризиса тех лет безработица в гораздо большей степени затронула молодых мужчин, т.е. тех, у кого изначально криминальная активность выше.

Также нельзя не учитывать последствия резкого роста безработицы в условиях COVID-19, хотя вследствие сильного влияния ряда других факторов преступность в этот период и снижается. Невозможно, чтобы высвобождение десятков тысяч человек не оказало криминогенного эффекта: по данным службы занятости, только в период с 13 марта по 14 апреля 2020 года количество безработных, зарегистрированных на бирже труда, увеличилось на 61 тыс. чел., а к 22 мая 2020 года общее число вновь зарегистрированных безработных составило 137 тысяч. К ним следует прибавить сотни тысяч вернувшихся из-за границы болгарских граждан, которые в большинстве низкоквалифицированные или неквалифицированные, и работали в Италии, Испании, Великобритании в сельском хозяйстве, строительстве и сфере услуг (всего за десять дней, с 13 по 23 марта, в страну вернулось 109 467 болгарских граждан).

Каковы же факторы институционально-нормативного характера, которые влияют на преступность, и когда они проявляются особенно ярко? Рост преступности в 90-е, особенно в первой их половине, непосредственно связан с механизмами реализации реформ в стране после 1989 года. Именно тогда было положено начало всеохватным и глубоким социальным преобразованиям, затронувшим все сферы и уровни общества. Ключевую роль стали играть изменения в политике, законодательстве и институтах власти.

Стало очевидно, что сложившаяся нормативная база и институциональная структура, которые соответствовали иным социальным условиям и принципам функционирования общества, нуждаются в существенных изменениях, а в ряде случаев и в полной переработке. Но еще с самого начала перестройки административная и законодательная деятельность отличались отсутствием стратегии, отставанием от экономических и социальных процессов, фрагментарностью и конъюнктурностью. На протяжении многих лет отсутствует адекватное регламентирование ключевых вопросов жизнедеятельности государственного и частного секторов, контроля источников происхождения капитала, банковских, валютно-фондовых операций, проведения оценок объектов приватизации, таможенных процедур и пр., что ведет к многочисленным экономическим преступлениям, незаконному переделу собственности и неправомерному обогащению.

Даже положительный сам по себе факт открытия Болгарии миру и либерализация коммуникаций и перемещения болгарских и иностранных граждан

порождает криминогенные последствия в условиях неадекватной нормативной базы и институциональной системы. При отсутствии адекватной профилактики этот процесс придает дополнительный импульс росту преступности. Новоявленная болгарская организованная преступность выходит за пределы национальных границ, формирует свои структуры и начинает действовать за рубежом. В то же время Болгария становится ареной для деятельности иностранных преступных группировок, которые, наряду с местными болгарскими, еще больше усугубляют криминогенную ситуацию.

Конкретно в отношении уголовного законодательства можно отметить, что стремительное внесение ряда изменений во многом является “отголоском эйфории скорейших перемен на пути построения наиболее действенных гарантий защиты прав граждан” (Трайков, 1996, с. 13), причем изменения эти совершенно не соответствуют новой криминогенной ситуации и криминологическим прогнозам.

Значительную роль в росте преступности в первой половине 90-х годов сыграла и дестабилизация государственных институтов: структурные изменения в МВД, ликвидация органов государственного надзора и контроля, практический развал системы финансово-экономического контроля и др. Подобная дестабилизация резко снижает оказываемое правозащитными органами противодействие преступности. Подтверждение этому – изменение таких основных показателей, как раскрываемость преступлений и соотношение зарегистрированных преступлений к количеству преступлений, за совершение которых лица уже осуждены.

Негативный эффект в отношении отдельных видов преступлений проявился и в годы беженского кризиса. Приток за относительно короткий период времени десятков тысяч иммигрантов с Ближнего и Среднего Востока создал новую ситуацию, которая выявила, как институциональные и организационные пропуски, так и нормативные. Стала очевидной необходимость четкой и эффективной регламентации функций и механизмов взаимодействия множества вовлеченных в данный процесс социальных субъектов.

Дело в том, что в годы сильного миграционного давления практически установилась аномия режима пересечения границ и их охраны. Но аномия в этой сфере порождает аномия в других, при этом присутствие иммигрантов создает новые ниши для и так уже широко распространенных в стране коррупционных практик (например, при заключении госконтрактов на обеспечение жильем, питанием и пр. лиц, ищущих убежища, подавших ходатайства о предоставлении защиты, а также нелегально въехавших, пребывающих и подлежащих выдворению из страны и др.), хищений, афер и мошенничества.

Институциональные и административно-организационные дефициты и дисфункции способствуют возникновению связанных с мигрантами девиаций и преступлений, в т. ч. незаконному трафику людей. О значении дефицитов и бюрократизации говорит такой пример, записанный в ходе интервью с работниками

центров размещения лиц, ищущих убежища: ребенок, чьи родители легально пребывают в стране ЕС, помещен в специализированный беженский центр в Болгарии как несовершеннолетний без сопровождения. Месяцами велась переписка между учреждениями двух стран (обе страны члены ЕС!), но – безрезультатно. Ребенок так и не отправлен к родителям. Воссоединение семьи произошло только тогда, когда отец приехал в Болгарию и заплатил проводнику за переправку ребенка через границу...

В годы пандемии COVID-19 разнонаправленное воздействие на преступность оказывает очень широкий спектр организационных решений и мер. Некоторые введенные рестрикции сказываются благоприятно: они формируют условия, затрудняющие и препятствующие совершению определенных преступлений. Ограничение выхода на улицу и страх заражения удерживают людей дома, что делает почти невозможным совершение краж со взломом – самого распространенного в стране преступления. Пустынные улицы и повышенное присутствие полиции снижают возможности незаметного передвижения, особенно с краденными вещами. Еще более мощным барьером становятся контрольно-пропускные пункты. Даже их временное размещение в местах концентрации лиц с повышенной криминальной активностью чувствительно снижает возможность совершения правонарушений. Кроме того, ограниченное посещение общественных мест (даже в условиях всеобщего стресса) значительно уменьшает риск возникновения конфликтных ситуаций и криминальных инцидентов. В то же время социальная практика в период пандемии COVID-19 демонстрирует и недостатки, имеющие определенный криминогенный эффект, например, указывает на пробелы в законодательстве о киберпреступности и выявляет недостаточный наличный потенциал для противодействия ей.

Что же касается детерминант преступности культурного характера, то здесь первостепенное значение имеют правовое сознание и утвердившиеся в обществе системы ценностей. В этом отношении процессы последних десятилетий нельзя охарактеризовать как благоприятные для формирования законосообразного поведения.

Развенчание и отрицание ключевых идей, ценностей, поведенческих моделей, десятилетиями формировавших и регулирующих индивидуальное поведение, вызывает у людей растерянность и дезориентацию. Старые ценностно-нормативные системы теряют свою способность быть ориентиром и регулятором поведения. Степень индивидуализации в условиях неблагоприятной экономической среды, крайне ограниченных и десятилетиями сокращающихся ресурсов, а также при нестабильных и плохо функционирующих институтах власти объективируется в широкий спектр индивидуальных копинг-стратегий, некоторые из которых включают крайние формы индивидуальной рациональности, а порой находятся на грани и в противоречии не только с общими интересами, но и с законом.

Перемещение терминальных ценностей на задний план за счет продвижения вперед инструментальных, в первую очередь – денег, а не таких, как компетентность,

профессионализм, инициатива и предприимчивость, оказывает негативное влияние на юридически релевантное поведение. Исследование Евробарометра (Eurobarometer 69) показало, что деньги являются наиболее значимой ценностью с точки зрения собственного представления о счастье для 51% болгар, в то время как в среднем в ЕС эта доля составляет 32%. В то же время, такая традиционная для болгар ценность как трудолюбие заметно теряет свои позиции в иерархии ценностей. Широкое распространение получает мнение, что успеха в жизни можно достичь, используя мошенничество, бесчестное поведение и беспринципность. Причем со временем данное убеждение ширится: в 1995 так считали 17,3% совершеннолетних граждан Болгарии, в 1998 – 20,5%, а в 2004 – 24,3%.

Макросреда в условиях трансформации обуславливает нарушение процесса правовой социализации (а и социализации в целом), а также снижение престижа закона в общественном сознании. Детерминированные изменения макросреды трансформации систем и иерархии ценностей способствуют ослаблению социальных связей и чувства солидарности, дестабилизируют отдельные группы и общество в целом. В свою очередь, те влияют на усвоение ценностей, правовых и моральных норм, моделей поведения и социальных ролей, как и на их интериоризацию на индивидуальном уровне.

Показательна в этом плане информация о правосознании и, в частности, о склонности к соблюдению законов. Репрезентативное эмпирическое исследование 1998 года установило, что, по мнению 78,8% взрослого населения, законы должны соблюдаться всегда и безоговорочно; 11,2% придерживаются мнения, что в определенных случаях закон может быть нарушен, а 4,1% прямо заявляют, что важны лишь их личные интересы и цели, а не требования закона. Как и следовало ожидать, исследование фиксирует значительные межгрупповые и межпоколенческие различия в отношении к закону. Для представителей 18-30 лет и 31-40 лет характерно гораздо более свободное отношение к законодательству. Среди них доля тех, кто считает, что ориентиром должны быть личные интересы и цели, и особенно доля тех, для кого нарушение закона в определенных случаях допустимо, значительно больше, чем среди пожилых. Если провести параллель между зарегистрированным отношением к соблюдению закона и криминальной статистикой выявленных лиц, совершивших преступления, то видно, что эти показатели – в унисон. Полностью в соответствии с выявленными склонностями и установками показатели криминальной активности в возрастной группе до 30 лет значительно выше.

*

Параллельное сравнение и анализ во времени процессов, происходящих в разных сферах общественной жизни, и преступности наглядно показывают связь между ними. При этом детерминанты преступности представляют собой сложный, динамичный комплекс взаимодействующих и взаимно влияющих друг на друга элементов. Функционирование экономики, в том числе, бедность и безработица,

а также экономическая дифференциация зависят от законов, регулирующих рыночные отношения. Влияние оказывает и деятельность государственных органов, отвечающих за охрану правопорядка, – насколько они выявляют и пресекают противоправные действия. Деятельность экономических субъектов зависит от непосредственного влияния их личных систем ценностей и установок на соблюдение законов. В свою очередь, деятельность государственных правоохранительных органов зависит как от экономических факторов, т. е. от экономического состояния государства, так и от средств, которые государство в состоянии выделить на их содержание, а также от систем ценностей и склонности к соблюдению законов и правовых норм у работающих там. В содержательном плане законы несут в себе отпечаток различных экономических, политических и идеологических интересов. Уголовное и уголовно-процессуальное законодательство напрямую определяет деятельность правозащитных институтов и их эффективность. Системы ценностей формируются под влиянием социальной среды, таким образом, бедность не может не оставить свой отпечаток, особенно вкуче с незаконным и несанкционированным обогащением. В результате всех этих разноплановых и разнонаправленных взаимодействий меняется конкретное состояние отдельных детерминант, определяющее направление и силу воздействия каждой из них на преступность, а также их удельный вес в конкретный период времени.

ЛИТЕРАТУРА:

- Genov, N. (2021). *The Paradigm of Social Interaction*. Routledge.
- Mantarova, A. (2001). *Crime and Social Transformation*. Sofia: Institut po sociologija. [In Bulgarian]
- Rangelova, R. (2020). Sustainable Development and Intergenerational Socioeconomic Changes in Bulgaria. In: A. Mantarova (prep. and ed.), *Sustainable Development: Inter- and Intragenerational Aspects* (13-51). Sofia: Avangard prima. [In Bulgarian]
- Traikov, Z. (1996). Legislation, Law Enforcement, Crime. In: B. Panev, M. Mizov and R. Mudrov (eds.) *Explosion of Crime in Bulgaria: Causes and Countermeasures* (10-29). Sofia: Fondacija "Čoveščina". [In Bulgarian]

Источники

- Bulletin on the State of Crime, Measures to Counter Smuggling and Distribution of Drugs and Excise Goods*. (2019, 2020, 2021). Sofia: MVR. [In Bulgarian]
- Crime Trends in Bulgaria 2010–2020*. (2021). Sofia: CID. [In Bulgarian]
- Eurobarometer 69. https://data.europa.eu/data/datasets/s742_69_2_std?locale=en
- <https://legalworld.bg/edna-treta-poveche-sa-kiberprestypneniata-u-nas-v-izvynrednotopolojenie>

<https://nsi.bg/bg/content/2974/население>

Police Statistics. (2019). Sofia: MVR. [In Bulgarian]

Police Statistics. (2020). Sofia: MVR. [In Bulgarian]

Statistical Yearbook 1989. (1989). Sofia: NSI. [In Bulgarian]

Statistical Yearbook 1999. (2000). Sofia: NSI. [In Bulgarian]